

ЭТИМОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ НАРОДОВ БАССЕЙНА АМУРА И САХАЛИНА

А.М. Певнов

Александр Михайлович Певнов | <http://orcid.org/0000-0002-7421-7777> | pevnov@gmail.com | д. филол. н., главный научный сотрудник | Институт лингвистических исследований РАН (Тучков переулок 9, Санкт-Петербург, 199053, Россия)

Ключевые слова

этноним, этимология, этническая история, Амур, Сахалин, тунгусо-маньчжурские языки

Аннотация

Бассейн Амура и Сахалин отличаются концентрацией этнонимов – как исторических, так и актуальных. В статье предлагается этимология семи “лингвистических этнонимов”, записанных в XX в. лингвистами или имеющими соответствующую подготовку этнографами. Этимологический анализ этнонимов позволяет представить этническую карту региона в историческом аспекте. Основные выводы: между нивхами и тунгусо-маньчжурами были, вероятно, другие палеоазиаты; в этнонимии данного региона весьма заметно эвенкийское влияние; этнонимы с основой *oro-* – “место, местность” (*oroŋr*; *orokko*, *oročĕn*, *oroči*) были образованы, вероятно, в Маньчжурии и оттуда распространились в восточном направлении вплоть до Сахалина.

Этнонимы, в частности этнонимы бассейна Амура и Сахалина, можно классифицировать следующим образом: 1) лингвистические и нелингвистические; 2) актуальные, устарелые и исторические; 3) эндоэтнонимы¹ и экзоэтнонимы. Для работы, ориентированной на этимологию, принципиально важно деление этнонимов на лингвистические и нелингвистические. Лингвистическими этнонимами предлагаю называть те, которые были записаны лингвистами или, например, этнографами, имеющими навыки точной фонетической фиксации. Все остальные этнонимы относятся к нелингвистическим – для этимологического анализа их можно привлекать лишь в качестве вспомогательного материала. По указанной причине объектом данной работы являются только лингвистические этнонимы, цель работы – этимологический анализ лингвистических этнонимов бассейна Амура и Сахалина.

Актуальным этнонимом является тот, которым в настоящее время активно пользуются применительно к своему или другому народу, устарелым – тот, который знают, но уже не используют, историческим – тот, о котором в наше время представители народа могут узнать, например, из книг.

Предлагаю наряду с термином “экзоэтноним” (“внешний этноним”) использовать термин “ксеноэтноним” (букв. название чужого народа)². Ксеноэтноним

Статья поступила 18.02.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 24.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Певнов А.М. Этимология некоторых названий народов бассейна Амура и Сахалина // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 23–44. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020026> EDN: HQDMWB

Pevnov, A. M. 2022. Etimologija nekotorykh nazvanii narodov basseina Amura i Sakhalina [Etymology of Ethnonyms in the Amur River Basin and Sakhalin]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 23–44. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020026> EDN: HQDMWB

и экзоэтноним могут относиться к одному и тому же народу, но “точки наблюдения” при этом разные: например, “финны” для говорящего по-русски – это ксеноэтноним, однако с точки зрения говорящего по-фински – это экзоэтноним. Для финнов *venäläiset* “русские” – это ксеноэтноним, а для говорящих на русском языке – экзоэтноним. К эндоэтнонимам (к “внутренним этнонимам”) относятся ксеноэтнонимы, а также автоэтноним (т.е. самоназвание).

Имеет смысл стратифицировать этнонимы. Если авто-, экзо- или ксеноэтноним относится ко всему народу, то целесообразно использовать термин “изоэтноним”, если только к локальной группе народа – “гипоэтноним”, если же к двум и более близким по культуре и/или языку народам, то можно применять термин “гиперэтноним” (“гиперэтноним” и “гипоэтноним” не являются синонимами терминов “макроэтноним” и “микроэтноним”). Приведу примеры: самоназвание удэгейцев *удигэ* – изоэтноним; гипоэтнонимом является название локальной группы негидальцев *хэжэн*; гиперэтнонимом служит словосочетание *нā бээн* – так негидальцы-хэдены (*хэжэн*) называли не только сами себя, но и местные коренные народы: ульчей, нанайцев и других. Если же необходимо было уточнить, что речь идет именно о негидальцах, то добавляли местоименные *битта* – “наш” (инклюзив). Уточненное при помощи личного местоимения негидальское самоназвание *битта нā бээлтин* имеет аналогии в других языках данного региона – ср.: ульчское *мун нāн’и*, орочское *бү орочи*, нивхское *мер н’их*, где слова *мун*, *бү* и *мер* означают “наш(и)”.

Интересно, что у удэгейцев есть ксеноэтноним *уандугу*, которым они называют представителей нескольких народов (“гиперксеноэтноним”). Согласно Е.Р. Шнейдеру, *уандугу* – это “человек, принадлежащий к народу, резко отличающемуся по хозяйству, образу жизни, социальным и экономическим отношениям, религиозным представлениям и т.д. Таковыми удэ считают русских, корейцев, китайцев и японцев” (Шнейдер 1936: 56).

Следует отметить, что при общении с представителями других народов экзоэтноним может окказионально использоваться вместо автоэтнонима (именно поэтому экзоэтнонимы иногда становятся автоэтнонимами). О такой этнонимической ситуации на нижнем Амуре писал Л. Шренк:

Ближе всего предположить, что гольды сами называют себя таким образом. Действительно, на мой вопрос, кто они такие, они неоднократно отвечали: “Гольдэ”. Тем не менее, я не утверждаю, чтобы они называли себя так же и между собою. Это, может быть, – название, употребляемое ими лишь в сношениях с русскими, подобно тому, как гиляки, говоря с русскими, называют себя гиляками, а между собою – ниб(а)х (Шренк 1883: 153).

То же самое в отношении ороков (ульта, ульта)³ писала Т.И. Петрова: “Сами ороки называют себя ороками только в тех случаях, когда разговаривают с народами, у которых они известны под этим названием” (Петрова 1967: 6).

В некоторых языках (напр., в эвенкийском, негидальском, орочском) нет слова со значением “народ, национальность”. Точнее сказать, в этих языках есть слово, которое может обозначать не только род, но и народ (по-эвенкийски и в западном диалекте негидальского это *тэуэ*, по-орочски и в восточном диалекте негидальского – *хала*). Свой народ (в частности, у негидальцев) включал, естественно, несколько *хала*, в то время как, скажем, русские представлялись как один, хотя и очень большой *хала*. Негидалец С.А. Гохта дал нам такие разъяснения: “У мышей (крыс) свой *хала*, у белок-летяг свой *хала*, у зайцев свой *хала*” (*Синүжэ ман халанин, омки ман халанин, монахан ман халанин*). И дальше: “У русских свой *хала*, у китайцев тоже свой *хала*; лиственница, береза – это не *хала*” (*Лоча ман халанин, манжу тозе ман халатин; есма, чълбан – эта ни хала*)” (по поводу деревьев – это ответ на мой вопрос).

В то же время в негидальском языке суффикс *-ди* оформляет прилагательные, образованные только от названий народов: *нāди* – “негидальский”, *лочади* – “русский” и т.д. Наличие этого суффикса противоречит сказанному выше о значении слова *хала* (иначе можно было бы сказать *сиуэјэди* – “мышинный”, *монахади* – “заячий” и т.д.), поэтому на основе языковых особенностей нельзя однозначно определить, какие у негидальцев на самом деле были представления о том, что мы называем словом “народ”. Кстати, в ульчском и нанайском языках наряду со словом *хала* (“род”) есть заимствованное из маньчжурского слово *голо* (“народ”) (в маньчжурском языке соответствующее слово обозначает крупную административную единицу – провинцию).

Названия родов – “филонимы” (от греч. *φυλή* – “род, племя”) – принято относить к этнонимам. Однако в отличие от этнонимов филонимы не поддаются классификации и стратификации, т.е. не бывает “эндофилонимов” (с дальнейшим делением на “автофилонимы” и “ксенофилонимы”), “экзофилонимов”, “изофилонимов”, “гипофилонимов” и “гиперфилонимов”. По этой причине не следует включать родовые названия в число этнонимов.

В отличие от рода, члены которого считаются связанными кровным родством, союз родов (*духа*⁴) не назывался у народов бассейна Амура именем собственным.

Этнонимы бассейна Амура и Сахалина

Этнонимы бассейна Амура и Сахалина по способу образования делятся на этнонимические словосочетания, стяженные, эллиптические и, наконец, аффиксальные. Стяженные этнонимы появились в результате превращения этнонимического словосочетания в слово, эллиптические – вследствие опущения компонента или компонентов этнонимического словосочетания. В подвергшихся стяжению или эллипсису этнонимических словосочетаниях обязательно имелось слово, означавшее “человек” (“люди”) или “род”. Аффиксальные этнонимы возникли путем присоединения словообразовательного суффикса, который, как правило, имел значение “житель места, обозначенного основой слова”.

В отличие от большей части родовых названий (филонимов) этнонимы бассейна Амура и Сахалина имеют более или менее надежную этимологию, однако при этом не этимологизируются названия, относящиеся к крупным народам – таким, например, как чжурчжэни, маньчжуры, дауры (дагуры). В этом отношении макроэтнонимы подобны макрогидронимам.

Данный регион – бассейн Амура и Сахалин – представляет собой этнонимический ареал, в котором: а) по географическим причинам немало гидроэтнонимов; б) этнонимы не только заимствовались (напр., негидальцами, уильта), но также искусственно присваивались некоторым народам (примерами могут служить орочи, ульчи); в) использовались гиперэтнонимы (напр., общий этноним у нанайцев и ульчей), причем иногда, как было уже сказано выше, с уточняющим словом, означающим “наш”, в результате чего гиперэтноним окказионально становился изоэтнонимом.

В бассейне Амура и на прилегающих к нему территориях сконцентрирована большая часть тунгусо-маньчжурских языков, при этом те, которые находятся ныне целиком за пределами этого региона (эвенский, уильтинский, сибинский), в прошлом также относились к нему. По-видимому, прародина тунгусо-маньчжурских языков находилась в бассейне среднего Амура (Певнов 2008: 81). Вероятно, именно здесь примерно две тысячи лет назад от тунгусо-маньчжурского базисного праязыка отделился предок чжурчжэньского, маньчжурского и

сибирского – так началась постепенная дивергенция, которая привела к образованию современных тунгусо-маньчжурских языков.

Особенностью бассейна Амура является исключительное разнообразие во всех отношениях: в природном, историческом, этническом, хозяйственно-культурном, языковом. Именно этим разнообразием объясняется большое количество этнонимов на данной территории – по крайней мере четыре десятка названий, причем это еще не все, а только лингвистические этнонимы (к историческим нелингвистическим этнонимам относятся, напр., ачаны, гогули, дючеры).

В этой публикации рассматривается семь этнонимов (*голдих*, *кыллэ*, *күји*, *орор*, *удихэ*, *уилта*, *эвэнкй*) с гипотетической этимологией – более или менее надежной. Остальные этнонимы с гипотетической этимологией⁵, этнонимы с очевидной, не вызывающей сомнений этимологией⁶, а также этнонимы, пока не имеющие приемлемой этимологии⁷, будут приведены с комментариями в другой работе.

В каждой этимологической статье данной работы обязательными являются три пункта:

1. Варианты лингвистического этнонима с указанием источника (тот вариант, который больше других дает возможность осуществить фонетическую реконструкцию и предложить этимологию, вынесен в заголовок статьи, он же приводится первым в этом пункте; далее могут быть указаны соответствия в других языках, причем языки следуют в алфавитном порядке).

2. Характеристика этнонима: а) актуальный, устарелый или исторический; б) автоэтноним (исконный или заимствованный) или экзоэтноним/ксеноэтноним (с возможным уточнением, какой именно: гипо-, изо- или гиперэтноним).

3. Этимологический анализ этнонима.

Этнонимы (как и вообще весь языковой материал) приводятся курсивом в принятой в “Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков” “фонетической транскрипции на основе знаков русского алфавита” (*Цинциус* 1975: XVI–XXIII), но при этом с некоторым упрощением: обусловленные сингармонизмом варианты фонем обозначаются одинаково. Слова из разных лингвистических источников не всегда можно адекватно транслитерировать, применяя транскрипцию, используемую в этом словаре. Поэтому, когда возникают проблемы с транслитерацией, транскрипция дается так, как в оригинале, причем в фигурных скобках и курсивом, например: {*gɔɫɔ*}. Нелингвистические этнонимы (и не только этнонимы, но и любые слова в нелингвистической записи) приводятся также в фигурных скобках, но без курсива: {бирар}, {u-di-ö}, {elkambienin}. В цитатах транскрипция этнонимов остается без изменений – так, как в оригинале.

Голдих

1. Нег. *голдих* – “гольд, нанаяц” (*Schmidt* 1923a: 18) (записано Б. Баратоши-Балогом⁸), *голдих* (“низовской” говор) – “нанаяц, гольд” (*Цинциус* 1982: 205), *голдихисэл* – “нанайцы” (ПМА 1999); уил. *голзй* (вин. падеж *голзйккэ*) – “нанаяц (гольд)” (*Ikegami* 1997: 72); ороч. *гогди* – “нанаяц” (*Аврорин, Лебедева* 1978: 174); ульч. *голди* – “голды (устарелое) (ульчское наименование нанайцев)” (*Суник* 1985: 185).

У Л.Я. Штернберга есть такое уточнение: «...*göldyx* – негидальское название для гольдов (“с выбритой передней частью лба”, см. *ngatku*)» (*Штернберг* 1933: 543).

2. Негидальцы, ульчи, уильта и орочи называют нанайцев ксеноэтнонимом, который можно реконструировать как **голдихи*.

3. Предполагаю, что этноним **голдики* образован от заимствованного маньчжурского слова *голо* – “губерния, область” (Захаров 1875: 341–342). По-видимому, в китайском языке маньчжурскому *голо* по значению соответствует *shěng* (省) – “провинция, область”. В нанайском и ульчском языках маньчжурское по происхождению слово *голо* изменило свое значение и стало означать “народность, национальность” (Оненко 1980: 114; Суник 1985: 185). Такое семантическое изменение вполне объяснимо: крупная территориальная единица (провинция) → население этой территориальной единицы (провинции) → народ (любой), народность⁹.

Интересно, что в бикинском (уссурийском) диалекте нанайского языка слово *голо* означает не только “1) народ; 2) национальность”, “1) государство; 2) власть”, но также “1) местность; 2) область” (Сем 1976: 148) (у Л.И. Сем три омонима).

В ульско-уильтинском праязыке слово **голо* оформлялось суффиксом *-*ди*, присоединявшимся только к названиям народов¹⁰: **голо-ди*, вероятно, означало “относящийся к народу, населению (данной провинции)”.

Аналогичное семантическое изменение характерно для самоназвания немцев (*Deutsche*): оно восходит к древневерхненемецкому слову *diutisc* – “принадлежащий к народу, относящийся к народу, народный” (< *diot(a)* – “народ”).

Гласный второго слога в слове **голо-ди* подвергся синкопированию¹¹, в результате получилось **голди*. Присоединение суффикса *-*ки* изменило значение слова: **голди-ки* означало уже “нанаец”. По-видимому, праформу **голди-ки* – “нанаец” следует относить к ульско-уильтинскому праязыку; из него, вероятно, были заимствованы нег. *голдих* – “нанаец” и ороч. *гогди* – “нанаец”.

Этноним **голдики* употреблялся только по отношению к нанайцам (причем, видимо, не ко всем их территориальным группам), поскольку в сравнении с другими народами бассейна нижнего Амура они были в большей степени связаны с маньчжурами и с их системой государственного управления – именно поэтому соседи считали их народом, относящимся к маньчжурской провинции (**голо-ди* – “относящийся к народу провинции” > **голоди-ки* > **голдики* > **голдй* > ульч. *голди*).

Датировка этнонима **голдики* “маньчжурским временем” подтверждается наблюдением Л. Шренка:

Когда русские в XVII столетии, спускаясь по Амуру, проходили через область гольдов, название это было им еще совершенно неизвестно. Только в 50-х годах нашего столетия, когда русские при вторичном занятии Амурского края сперва стали твердою ногою на устье Амура, в земле гиляков, а потом начали подвигаться оттуда вверх, имя “гольды” заменило у них прежние названия “натки” и “ачаны” (Шренк 1883: 153).

Таким образом, этноним **голдики* появился сравнительно поздно – между XVII и XIX веками (т.е. при маньчжурской династии Цин). Наличие в уильтинском языке соответствующего этнонима *голзй* позволяет высказать следующие взаимоисключающие предположения: или 1) миграция предков уильта на Сахалин происходила после XVII в., или 2) она была и до, и после XVII в., т.е. несколькими волнами, или 3) миграция предков уильта на Сахалин была до XVII в., а этноним *голзй* уильта заимствовали из ульчского языка уже после XVII в. Более вероятны, думаю, первый и второй варианты.

Кйллэ

1. Уил. *кйллэ* – “эвенк” (Ikegami 1997: 102); нан. *кйлэр* – “эвенк” (Оненко 1980: 217); нан. (кур-урм.) *килэр* – живущие в верховьях рек Кура и Урми эвенки

(Суник 1958: 14); нег. {kilöl} – “тунгус” (Schmidt 1923a: 22) (этноним записал у негидальцев в начале прошлого века Б. Баротоши-Балог), *килэ* (“низовской” говор) – “эвенк, тунгус” (Цинциус 1982: 231); нивх. (амур.) *кил*, нивх. (вост.-сах.) *килу* – “1. тунгус; 2. тунгусский” (Савельева, Таксами 1970: 112); ороч. *кйлэ(н)* – “эвенк” (Аврорин, Лебедева 1978: 196); уд. *килэ* – “эвенки” (Кормушин 1998: 248); ульч. *кйлэ(н)* – ульчское название тунгусов (эвенков, негидальцев, эвенов) (Суник 1985: 204).

2. Нанайский, негидальский, нивхский, уильтинский, орочский, удэгейский и ульчский ксеноэтнонимы являются для эвенков экзоэтнонимами.

3. Уил. *кйллэ* (вин. падеж *кйллэмбэ*) позволяет реконструировать этноним как **кйлэн*¹². Нан. *килэр* (< **килэр*) можно считать тунгусской¹³ формой множественного числа имен существительных, оканчивающихся на *н*. Предполагаю, что **килэн* восходит к **килэ-үэн* – “житель местности Килэ”, а **килэр* – к **килэ-үэр* – “жители местности Килэ”. Следует сказать, что словообразовательный суффикс *-үән*¹⁴, придающий слову с “географическим содержанием” значение “житель...”, употребляется только в эвенкийском, в других тунгусо-маньчжурских языках он отсутствует. На тунгусское происхождение слова **килэ-үэн* указывает и специфическая форма множественного числа – **килэ-үэр*; такой способ образования формы множественного числа путем замены *н* на *р* характерен только для эвенкийского и эвенского языков (в негидальском в данном случае **-р > -л*). Таким образом, соседние народы некогда стали называть эвенков при помощи их же (т.е. эвенкийского) слова, при этом производящая основа этого слова (**килэ-*) была топонимом, который в самостоятельном употреблении не сохранился.

Слово **килэ-үэн* (мн. ч. **килэ-үэр*) получило широкое распространение как родовое название. В приложении “Родовые названия и их распространение в XVII–XX вв.” к книге Г.М. Василевич читаем:

Килен (мн. ч. *Килер ~ Килар ~ Килор ~ Килагир*). В XVII в. по рр. Охоте, Улье, Тауну, Аиму, Мае, Уду, Тугуру <...>¹⁵, на Хантайке, у оз. Ессей (урочище Килягир на Таймыре), на Шилке <...>. В XVIII в. эвены на р. Арке, Охоте (Крашенинников). В XIX в. на Амгуни и Урми (Миддендорф), на истоках Лены и в Виллюйском округе. В 1897 г. в Охотском округе. В 1917 г. группы Килен с самоназванием *эвэнки* в южной части Сахалина <...>; в 1917 г. их было 20 человек <...> *Кили* – род нанайцев, *Килендига* – род орочей, *Килер* – род ульчей (Василевич 1969: 270).

Интересные сведения об этнониме (родовом названии) {*Kilen*} (это одна из групп *хэчжэ*) в Северо-Восточном Китае привела в своей диссертации Чжан Пайюй: «Народ килен использует слово *nanio ~ nanuo*, означающее “местный человек, местные люди” <...>; *na* означает “местный” или “земля”, *nio ~ nuo* имеет значение “человек” или “люди”. Иногда конкретная этническая группа предпочитает использовать по отношению к себе родовое название *Kilen*» (Zhang 2013: 23).

При помощи суффикса *-үән*, которым оформляется название жителя местности, обозначенной основой слова, были, по-видимому, образованы некоторые другие названия народов бассейна Амура: негидальский автоэтноним (гипоэтноним) *хэжэн*, нанайский ксеноэтноним *хэжэ* – “ульч”, а также родовые названия *хэжэр* (ульч.) и {Эдигэн ~ Эджигэн} (эвенк.) восходят, вероятно, к **хэжй-үэн* (мн. ч. **хэжй-үэр*) – “житель (жители) низовьев реки”¹⁶; родовые названия солонов ({*səlgən, səlgvr, səlgəŋhaahar ~ sələŋhaahar*} [До Дорджи 1998: 627]) и эвенков ({Шологон ~ Сологон, Шолон ~ Солон} [Василевич 1969: 285–286]) реконструируются как **соло-үөн* (мн. ч. **соло-үөр*), что буквально означает “житель (жители) верховьев реки”.

Учитывая широкое распространение рефлексов форм **хэжй-үэн* (**хэжй-үэр*), **соло-үөн* (**соло-үөр*) и **кйлэ-үэн* (**кйлэ-үэр*), можно сделать вывод о том, что эвенки были весьма активными участниками этногенетических процессов в бассейне нижнего Амура и на прилегающих территориях.

Күји

1. Уил. *күји* – “айн, айну” (*Ikegami* 1997: 109); нан., ороч., ульч. *күи* – “айн” (*Schmidt* 1923b: 263); нег. (“низовской” говор) *куји* – “айны” (*Цинциус* 1982: 234); нивх. *кууи* – “айн, айны” (*Савельева, Таксами* 1970: 122), {*kūgi*} – “айн” (*Schmidt* 1923b: 263); ороч. *куи* ~ *куји* – “айн, айны”, *куи нән’и* – “о. Сахалин (букв. земля айнов)” (*Аврорин, Лебедева* 1978: 198); уд. (самаргинский диалект) *куи* – “айны” (*Кормушин* 1998: 252); ульч. *куи* – ульчское название айнов (*Суник* 1985: 206).

Ю. Янхунен в статье “Названия айнов у народов Амура и Сахалина” (см. статью в этом номере), ссылаясь на неопубликованный словарь Е.А. Крейновича, отмечает, что анлаутный согласный в нивхском названии айнов ошибочно приведен в словаре В.Н. Савельевой и Ч.М. Таксами без аспирации (*Савельева, Таксами* 1970: 122).

2. Нанайский, негидальский, нивхский, уильтинский, орочский, удэгейский и ульчский ксеноэтнонимы являются для айнов экзоэтнонимами.

3. В упомянутой статье в данном номере журнала Ю. Янхунен пишет, что

нивхское *к’уги* может быть только заимствованием тунгусо-маньчжурской формы **куји* (**куйи*) с заменой полугласного **j* перед гласным **i* на согласный /*γ*/, поскольку сочетание *ji* (*γi*) в нивхском в середине слова не встречается <...> все тунгусо-маньчжурские наименования айнов восходят к единому первоначальному варианту **кури* <...>. Вполне вероятно, что тунгусо-маньчжурское **кури*, в свою очередь, происходит от айнского **кур* – “человек”.

Если нивх. *к’ууи* – “айн, айны” на самом деле было заимствовано из тунгусо-маньчжурских языков, то слово это должно было прийти только из негидальского, орочского или удэгейского, так как лишь в этих трех языках в гипотетическом **кури* – “айн, айны” мог выпасть звук *p* между гласными и вместо него мог появиться звук *j* (**кури* > **куи* > *күји*; кстати, появление долготы гласного не имеет в данном случае объяснения). Ни в ульчском, ни в нанайском языках выпадения вибранта в этом слове произойти не могло, точнее, вероятность такого выпадения крайне мала. В этих двух языках устранение вибранта ограничивается тремя глагольными аффиксами, исторически связанными друг с другом (одним из них является *-ji* – показатель причастия незаконченного действия), а также лишь несколькими словами, ср.: нан. *эи* – “этот” (< **эри*), *тэи* – “тот” (< **тэри*), *наи* – “человек” (< **нари* < **н’арй*)¹⁷. Таким образом, нивх. *к’ууи* вряд ли могло быть заимствовано из ульчского или нанайского (или из ульчско-нанайского-уильтинского праязыка). Также сомнительно заимствование в нивхский язык слова *к’ууи* из негидальского, орочского или удэгейского, поскольку нет примеров лексических заимствований из этих языков в нивхский. И вообще маловероятно, что негидальцы, орочи и удэгейцы были знакомы с айнами лучше, чем нивхи.

Можно предположить, что предки нивхов, с одной стороны, и предки некоторых тунгусо-маньчжурских народов – с другой, заимствовали название айнов из какого-то исчезнувшего языка, носители которого были ассимилированы предками орочей и удэгейцев (отчасти ульчей и нанайцев). Для орочско-удэгейского праязыка этот гипотетический язык мог выступать субстратом, особенностью которого было отсутствие вибранта, что свойственно большому количеству языков, образующих “тихоокеанский пояс аномалии плавных”

(Певнов 1994). Для негидальского же языка, в котором так же, как в ороческом и удэгейском, вибрант был устранен во всех позициях в слове, субстратом был, вероятно, ороцкий, что нашло отражение не только в исторической фонетике негидальского языка, но также в лексике и, вероятно, в грамматике. По-видимому, предки орочей и удэгейцев мигрировали на юг, на восточные склоны хребта Сихотэ-Алинь с той территории, где в настоящее время живут ульчи и негидальцы. Продвижение предков ульчей и нанайцев вниз по нижнему Амуру привело к существенному изменению этнической и языковой ситуации в этом регионе. Вот что в этой связи писал П. Шмидт: “Ульчи <...> несомненно мигрировали вниз по течению (Амура. – А.П.) и отделили негидальцев от орочей (орочами П. Шмидт называл не только орочей, но и удэгейцев. – А.П.) – и те, и другие когда-то были соседними народами” (Schmidt 1923b: 230).

Ороур

1. Нивх. (амур.) *ороур* [орóур^ор] – “ульчи” (ПМА 1994). В середине XIX в. Л. Шренк записал аналогичный этноним: “Оронгръ, Оронгшъ” – так “гиляки называют ольчей (амурских мангунов)” (Шренк 1883: 136), т.е. так нивхи называли ульчей. Нивх. (вост.-сах.) {орнарш}, нивх. (амур.) {орнуыр} – “ороч, также ульч, ульчи” (Савельева, Таксами 1970: 247). “Нивхи называли последних (т.е. негидальцев. – А.П.) *орурку* и *рыгугу*. Первым словом они определяли широкий круг тунгусоязычных народов – ульчей, ороков, орочей и др. Оно было заимствовано от бывших оленеводов” (Таксами 1975: 206, 214).

2. Нивхские варианты ксеноэтнонима являются по крайней мере для ульчей экзоттнонимами.

3. По мнению Ю. Янхунена, этноним *orokko* (в сахалинском айнском *orohko*) может быть связан с сахалинским айнским (преимущественно фольклорным) названием уильта (или вообще соседей айнов) *orakata*¹⁸. Как считает Ю. Янхунен, айнские этнонимы *orohko*, *orakata* были заимствованы у нивхов, а в конечном счете все они восходят к имевшему весьма широкое распространение в Центральной и Северной Азии термину *uryangkhai* (урянхай, уранкай) (Janhunen 2014).

Хотел бы предложить альтернативную гипотезу, объясняющую происхождение нивхских названий некоторых соседних народов, говорящих на тунгусо-маньчжурских языках. По всей вероятности, в качестве названия своих южных соседей (в частности, ульчей и орочей) нивхи заимствовали тунгусский этноним **оро-укār*, что буквально означало “жители местности” (ед. ч. **оро-укāн*). К архетипу **оро-укār* восходят нивхские варианты *ороур*, {орнарш} ~ {орнуыр} и {орур}. Что касается формы единственного числа (**оро-укāн*), то она нашла отражение в айнском названии уильта {*orókko*} (Magata 1981: 159).

При заимствовании нивхским языком слов из тунгусо-маньчжурских языков происходило выпадение гласных: нивх. (амур.) {*т’ылгу*} – “предание, быль”, ср. нан. *тэлуугу* – “легенда, предание, былина, сказание”; нивх. (амур.) {*т’ыурыу*} – “однострунный музыкальный инструмент”, ср. ульч. *тэнкэрэ* – “струнный музыкальный инструмент”; (Оненко 1980: 418; Савельева, Таксами 1970: 388, 389; Суник 1985: 244). Ср. также нивх. (амур.) {*хыугр*} – “устье реки Амгунь”¹⁹ (< {**хыуг*} – “Амгунь” + {*ыр*} – “устье”) (Савельева, Таксами 1970: 415).

Таким образом, в вариантах {*орнарш*} и {*орнуыр*} некогда произошло выпадение гласного второго слога (**оро↓укār* > {*орнарш*} > {*орнуыр*}), а в варианте *ороур* выпал гласный третьего слога: **ороукā↓р* > *ороур*. В варианте {*орур*} наблюдается выпадение гласных как во втором, так и в третьем слогах.

При заимствовании долготы гласного не должна была сохраниться (**оро*↓*ук̄ār* > **орукар* > {*оруариш*}), так как в нивхском языке нет долгих гласных фонем²⁰; образовавшийся кластер **рук* подвергся упрощению (**орукар* > **оруар*); в абсолютном исходе слова произошло закономерное оглушение согласного *р*. В итоге получилось восточносахалинское {*оруариш*}, а в результате закономерного для амурского диалекта перехода *а* > {*ы*}²¹ появилось {*оруыр*}.

Нивхский амурский вариант *ороур* указывает на то, что во втором слоге реконструируемого этнонима должен был быть гласный *о* (**ороук̄ār*), в то время как восточносахалинский вариант {*оруариш*} подтверждает наличие в третьем слоге праформы гласного *ā* (**ороук̄ār*).

Сегмент *-*ук̄ār* (ед. ч. *-*ук̄ān*) в восстанавливаемом этнониме **ороук̄ār* представлял собой суффикс, при помощи которого образовывались названия жителей какой-либо местности. Соответствующий суффикс есть в эвенском, ороческом, удэгейском, ульчском, уильтинском и нанайском языках, однако отсутствует в эвенкийском, хамниганском, ороченском, солонском и маньчжурском.

Что касается основы **оро-*, то от нее был образован также этноним *орочён*, адаптированный русскими как *орочон* (до относительно недавнего времени так называли в том числе и уильта).

С.М. Широкогоров сравнивал этноним {*орочен*} с ороченским словом {*ор̄о*} – “место; место для сидения; место жительства; место, занимаемое сидящим” (*Shirokogoroff* 1944: 105).

Действительно, основу **оро-* можно сравнить, например, с монг. письм. *orun* – “место; территория, страна; место жительства” (*Lessing* 1960: 623). Маньчжурским языком монгольское слово было заимствовано как *орон* – “место”, соответствующее слово есть также в солонском (*орон* – “место, район; место жительства”) и в ороченском (см. предыдущий абзац).

Таким образом, нивхское название некоторых соседних народов может восходить к **ороук̄ār* (мн. ч.), что буквально означало “жители местности, местные жители” (ср.: нан. *удэ* – “местонахождение кого-либо или чего-либо, местность; место происхождения” > *удэук̄э* – “житель, жители местности” [*Оненко* 1980: 424]).

Этноним **ороук̄ān* ~ **ороук̄ār* мог появиться в одном из тунгусских языков²² в зоне маньчжурского влияния, поскольку его основа *оро-* – “место” есть только в маньчжурском, солонском и ороченском языках²³. Словообразовательный суффикс *-ук̄ān* в эвенкийских диалектах отсутствует, однако множественное число этнонима образовано по эвенкийско-эвенскому образцу (*-н* > *-р*). Самоназвание этих тунгусских оленеводов сохранилось у нивхов (в частности, *ороур*) и сахалинских айнов {*орóкко*} (*Magata* 1981: 159).

Архетип **ороук̄ān* подвергся в уильтинском языке следующим фонетическим преобразованиям: 1) в соответствии с уильтинской гармонией гласных произошло огубление гласного суффикса (**оро-ук̄ān* > **оро-ук̄ōn*); 2) гласный суффикса закономерно утратил долготу (**оро-ук̄ōn* > **оро-укоn*); 3) финальный *n* закономерно отпал (**оро-укоn* > **оро-уко*); 4) закономерно произошла трансформация кластера *ук* > *кк* (ср.: т.-м. **оуко-* – “пасться” > уил. *окко-* – “пасться”).

Записанное Х. Магатой айновское название уильта {*орóкко*} было, очевидно, у уильта и заимствовано²⁴, однако и в уильтинском языке оно явно заимствованное, так как соответствующий словообразовательный суффикс в исконно уильтинских словах подвергся в свое время иным фонетическим преобразованиям. Если бы рассматриваемый этноним был для уильтинского языка исконным, то конечным результатом было бы не *орокко*, а *оротто* (**оронк̄ōn* > **оронч̄ōn* > **орончо* > **оронто* > **оротто*).

Можно предположить, что некая тунгусская группа, пришедшая, вероятно, из Маньчжурии (Большой Хинган)²⁵, занималась оленеводством где-то в бассейне нижнего Амура. Эти тунгусы называли себя и были известны соседним народам как **ороукан* (ед. ч.), **ороукар* (форма мн. ч., к которой восходят варианты нивхского ксеноэтнонима). При этом непонятно, какова была роль этой тунгусской группы в этногенезе уильта. Что касается оленеводства уильта, то его нельзя считать заимствованным у эвенков или эвенов, поскольку соответствующая лексика, судя по историко-фонетическим особенностям, является в уильтинском языке в основном исконной.

Удихэ

1. Уд. *удихэ* ~ {*уд^hе^h* ~ *удē^h*} – «удэгейец, удэгейский (в оригинале “удыхеец (удэхеец); удыхейский (удэхейский)”» (Кормушин 1998: 300).

2. Для удэгейцев это актуальный автоэтноним.

3. П. Шмидт высказал идею о связи самоназвания удэгейцев с чжурчжэньским словом {*u-di-ö*}: «“Udihe” соответствует чжурчжэньскому *u-di-ö* – “дикая местность” и маньчжурскому *wedzi* – “лес”; похоже на то, что этот народ и был *wedzi aiman* (название маньчжурского рода) маньчжурских хроник» (Schmidt 1928: 2).

В работе И.В. Кормушина читаем: “Этнограф В.С. Стариков сближал этноним *удихэ* (*udihə*) с чжурчжэньским словом *udia* ‘(лесные) дебри’ <...>. Однако этническое название по местности в удыхейском языке образуется с помощью афф. *-ука/-укэ* (т.е. в этом случае ожидалось бы слово **удиукэ*)” (Кормушин 1998: 5).

Думаю, что в чжурчжэньском языке было не {*u-di-ö*} – “дикая местность” и не {*udia*} – “дебри”, а **удиуэн* – “дикий” (напр., в словосочетании **удиуэн н’арма* – “дикий человек, дикие люди” – реконструкция на основе китайской транскрипции, приведенной в работе: Grube 1896). Предполагаемая чжурчжэньская форма множественного числа **удиуэ-сэ* могла быть преобразована в удэгейском языке следующим образом: **удиуэ-сэ* > **удиэсэ* > **удиэһэ* > *удиэ* ~ *удихэ* (именно такая цепочка звуковых изменений была представлена в одной из моих работ [Певнов 2004: 145]).

В настоящее время я бы предложил другую этимологию, которая основана на том, что самоназвание удэгейцев *удихэ* восходит к **удэһэ* < **удэсэ* < **удэн-сэ* < **удэн сэ* – “род(ы) (данной) местности”. Аналогичные звуковые изменения произошли, например, в следующих удэгейских словах: {*силухэ* ~ *силēһэ*} – “роса” (< **силэһэ* < **силэсэ* < **силэүсэ*, ср.: ороц. *силэүсэ* – “роса”) и {*жэгдехэ*} (самаргинский диалект) – “горелое место в лесу” (оба слова приведены по: Кормушин 1998: 235, 285) – последнее восходит к **жэгдэнсэ* (ср.: эвенк. *жэгдэннэ*, *жэгдэндэ* – “гарь, пожарище” < **жэгдэнтэ* < **жэгдэнсэ*). Первым обратил внимание на подобные исторические изменения звуков Е.Р. Шнейдер:

... в удэйском языке из той же комбинации, т.е. интервокального *s* (или *s* с другим согласным), развился тип аспирированных гласных дифтонгоидного характера. Процесс преобразования этого звукового комплекса сопровождался продвижением всей артикуляции вперед. При этом начальные элементы оказались более узкими, чем конечные... (Шнейдер 1937: 11) (подчеркнуто мной. – А.П.).

По моим наблюдениям, восстанавливаемому интервокальному *s* в этих звуковых комплексах в удэгейском языке исторически предшествовали кластеры *нс* и *үс* (см. выше: **силэүсэ* и **жэгдэнсэ*). При отсутствии кластера результат получался иной: **кэсэ* – “слово, речь, язык” > *кэ^hиэ* (Цинциус 1975: 483), *кэһэ*

(где фарингальный *h* является палатализованным) (Кормушин 1998: 63). Таким образом, бескластерная форма **удэсэ* дала бы **удэһиэ* (**удэһе*), а предлагаемый в данной статье архетип с кластером (**удэһсэ*) закономерно превратился в ныне существующее самоназвание *удиһэ*.

Итак, можно предположить, что архетип **удэһсэ* является результатом стяжения этнонимического словосочетания **удэн сэ*. Компоненты этого словосочетания связаны друг с другом не при помощи изафета, а посредством примыкания (ср. то же самое в нанайских этнонимах *нāнаи* [< **нā наи*], *мōнаи* ~ *мūнэи* [< **мū наи*]). Отсутствие показателя множественного числа у второго компонента (*сэ* – “род”) вполне объяснимо: “Категория числа не является обязательной грамматической категорией для удэгейского языка. Множественность лиц (неодушевленные предметы вообще не принимают этих показателей) может быть совершенно не выражена ни в имени, ни в предцизируемом глаголе” (Кормушин 1998: 88).

Первый компонент словосочетания встречается в удэгейском фольклоре: *удэ(н)* – “местá”, “местность” (*Kyalundzuuga, Simonov* 1998: 933) (слово приведено только в этом словаре), ср. улч. *удэ(н)* – “область, местность” (*Суник* 1985: 245), нан. *удэ* – “местонахождение кого-либо, чего-либо, местность; место происхождения” (*Оненко* 1980: 424), ул. *удэ* – “территория, область, район” (*Цинциус* 1977: 249).

Второе слово – *сэ* – означает “род” (Кормушин 1998: 290). В “Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков” оно включено в словарную статью “СЭКСЭ кровь” (*Цинциус* 1977: 138), что не кажется убедительным. Во всяком случае, слово *сэ* – “род” есть только в удэгейском языке, так что этноним *удиһэ* был образован именно в нем.

Словом *удиһэ* называет себя только один народ, соседи называют удэгейцев *киака* (орочи), *киакара* (нанайцы). Этноним *удиһэ* появился относительно давно, о чем свидетельствуют произошедшие в нем существенные звуковые изменения (**удэһсэ* > *удиһэ*). Первый компонент этнонимического словосочетания **удэн сэ* сохранился только в удэгейском фольклоре (*удэ(н)* – “местá”, “местность”) – это тоже говорит об относительной древности этнонима *удиһэ*.

Уилта

1. Уил. *уилта* – “уильта (орок)” (*Ikegami* 1997: 217), {*úil̥ta, úita, úl'ta*} (*Magata* 1981: 220), *ујлта* ~ *ул'ta* – “орок (самоназвание)” (*Цинциус* 1977: 263); улч. {*ūl̥ca*} – “орок” (*Schmidt* 1923b: 288).

2. Для уильта это актуальный автоэтноним.

3. Было несколько попыток этимологизировать самоназвание уильта.

В “Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков” этноним *ујлта* ~ *ул'ta* помещен в одну словарную статью с названием домашнего оленя *ула* (*ул̥á*. – А.П.) (*Цинциус* 1977: 262–263). Если этот этноним на самом деле произошел от слова, означающего “домашний олень”, то непонятно, что представляет собой сегмент *-та*. Эта гипотеза также не объясняет наличие варианта *ујлта* (кстати, трехконсонантные кластеры в уилтинском языке недопустимы, поэтому должно быть *уилта*).

Относительно недавно объяснение происхождения самоназвания уильта предложил А.Ф. Старцев. По мнению автора, этноним “уильта” восходит к “названию большой деревни на территории негидальцев” – речь идет об “ойкониме *Uil* (Уил)” (*Старцев* 2015: 126). А.Ф. Старцев ссылается при этом на работу Л.Я Штернберга, в которой упоминается “большая деревня” с таким названием; жители ее, как уточняет Л.Я. Штернберг, “лет двадцать назад все вымерли” (*Штернберг* 1933:

532, 548). Надо сказать, что больших деревень в тех краях до прихода русских не было и быть не могло, поскольку занятия местного населения никоим образом не способствовали появлению крупных поселений.

Далее А.Ф. Старцев пишет: «Если ойконим *ул* объединить с суффиксом принадлежности *-та*, то мы получим термин *уилта* (*уильта*), что в переводе будет означать “жители селения Уил”» (Старцев 2015: 126). Однако в уильтинском языке, как и в других тунгусо-маньчжурских, нет “суффикса принадлежности *-та*”²⁶, поэтому гипотеза А.Ф. Старцева с лингвистической точки зрения некорректна.

Ближе к истине была Т.И. Петрова:

Этимология слова *ул'та ~ уйл'та* (как и ульча) неясна. Сами ороки своего самоназвания никак не поясняют и употребляют слово *ул'та ~ уйл'та* как неразложимый термин для обозначения своей народности. Если бы мы слово *ул'та ~ уйл'та* разложили предположительно на морфемы (основную *ул' ~ уйл'* и суффиксальную *-та*), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти. Правда, фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс *-та* с весьма продуктивными суффиксами *-нкā* в нанайском языке и *-нча* в ульчском: *-нкā ~ -нча ~ -нта > -тта > -та*. Суффиксы *-нкā* и *-нча* в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имен существительных имена, обозначающие название жителя данной местности. Если придавать такое же значение суффиксу *-та* в слове *ул'та ~ уйл'та*, следует ожидать, что основа *ул' ~ уйл' ~ уйл'* будет связана с названием какой-либо местности, возможно, реки, по типу: Валетта – название орокского рода, Валу ~ Вал – название реки (Петрова 1967: 6).

В другой работе Т.И. Петровой читаем: “А.Н. Липский считает, что корень слова *ульча* происходит от слова *уль* ‘река’, и переводит все слово как *поречане, живущие на реке*”. И дальше Т.И. Петрова пишет: «... слова *уль* в ульчском языке для обозначения реки не встречалось. Есть: *уні* ‘река’, *улан* ‘полюнья’» (Петрова 1936: 6).

При реконструкции самоназвания уильта я исходил из того, что в кластере *лч* звук *ч* мог перейти в *т*, но не наоборот: *т* не мог перейти в *ч*. На наличие *н* в исходе реконструируемого этнонима указывает один из вариантов его формы винительного падежа: наряду с *уилтā* допустима форма *уилтамба* (Ikegami 1997: 217), которая восходит к **уилтан-ба*.

По-видимому, самоназвание уильта (*уилта ~ улта*), ульч. *улча* – “орок, ороки” (Суник 1985: 247), нег. *олчан* (“низовской” говор) – “удэ, удэгеец” (Цинциус 1982: 258) восходят к архетипу **улинчан*, относящемуся к ульчско-уильтинскому праязыку. Звуковые изменения, которые произошли уже в уильтинском языке, можно реконструировать так: **улинчан* > **улинтан* > **улиттан*. Именно эта последняя форма (**улиттан*) непосредственно предшествовала двум засвидетельствованным вариантам: *улта* и *уилта(н)*.

Указанием на то, что в инлауте одного из реконструируемых вариантов был звук *и* (**улиттан*), является отмечаемая Х. Магатой и Т.И. Петровой палатализация звука *л*: {*ul'ta*} (Magata 1981: 222), *ул'та ~ уйл'та* (Петрова 1967: 6)²⁷. Подтверждением того, что в этнониме {*ul'ta*}, *ул'та ~ уйл'та* палатализация не является позиционной, может служить фонетически максимально близкое к самоназванию уильта слово {*pułtā*} – “одеяло”, в нем в позиции перед {*t*} отмечено оглушение интересующего нас согласного {*l*}, но не его палатализация (Magata 1981: 174).

Появление в этнониме *у↑илта(н)* звука *и* перед *л* является своего рода компенсацией утраченного *и* после этого *л* – **ули↓тта(н)*. Возможность такого “перемещения” звука *и* из позиции непосредственно после согласного в позицию непосредственно перед ним подтверждается наличием типологически сходного явления, например, в ливском языке: {*keiž*} – “рука” < {**kāsi*}²⁸.

Форма *улинчан, предшествовавшая реконструируемой уильтинской форме *улиттан (< *улинтан), относилась, вероятно, к ульчско-уильтинскому праязыку, при этом она была заимствована либо из предка ороцкого языка, либо из ороцско-удэгейского праязыка, в котором выступала в несколько ином виде – *улинк̄ан (переход *нк* > *нч* закономерен для ульчско-уильтинского праязыка). В ороцско-удэгейском праязыке (или же в праорочском) слово *улинк̄ан имело значение “речной житель, поречанин”. В ороцском и удэгейском языках ули означает “река”²⁹ (в удэгейском еще и “вода”); вспомним, что «А.Н. Липский считает, что корень слова *ульча* происходит от слова *уль* ‘река’» (Петрова 1936: 6). Суффикс *-ука(н)* (< **-нк̄ан*) в ороцском и удэгейском языках соответствует, например, нанайскому *-нк̄а*, оформляющему слова, которые обозначают жителя (жителей) местности, указанной основой.

Таким образом, Т.И. Петрова верно поняла, какой суффикс участвовал в образовании этнонима, а А.Н. Липский правильно определил значение его основы (правда, непонятно, к какому языку он относил слово {уль} – “река”).

По мнению некоторых ульчей, “одно из родовых названий *н̄ан’и* – ныне фамилия Ольчи – род ороцкого или ороцкого происхождения. <...> По сведениям писателя А.Л. Вальдю, *н̄ан’и* называют ульчами ороков и орочей, но не себя” (Суник 1985: 8–9) (подчеркнуто мной. – А.П.). Здесь же О.П. Суник пишет, что орочей по-ульчски называют “ульча” (Там же: 9). В принципе, не противоречит этому и нег. *олчан* (“низовской” говор) – “удэ, удэгеец” (Цинциус 1982: 258), поскольку по географическим причинам негидальцы могли в большей степени иметь какое-то представление об ороцах, чем об удэгейцах.

Аргументом в пользу того, что самоназвание ульча восходит к архетипу *улинк̄ан, можно считать наличие точного поморфемного соответствия в нанайском родовом названии *он’иука̄*. В.А. Аврорин отмечает, что этот нанайский род “ведет свое происхождение от удэ, живущих по р. Онюй”, при этом название рода происходит от слова *они* – “река, первый приток большой реки, р. Онюй” (Аврорин 1959: 115). Слово оформлено суффиксом “*-нкан* ~ *-нкэн*” (*-ука̄* ~ *-укэ̄*), который “от существительных топонимического значения образует существительные, обозначающие людей (одного или всю совокупность), проживающих на соответствующей территории, в соответствующем населенном пункте” (Аврорин 1959: 114).

Уильтинское самоназвание *улта* ~ *уилта* и нанайское родовое название *он’иука̄* исторически являются взаимными поморфемными соответствиями потому, что у них общий словообразовательный суффикс **-нк̄ан* и общая производящая основа *ули-. Дело в том, что нанайскому слову *он’и* – “горная река” (Оненко 1980: 312), ульчскому *уни* – “горная речка” (Суник 1985: 247) и уильтинскому *уни* – “река” (Ikegami 1997: 220) соответствует ороцское *ули* – “река” (Аврорин, Лебедева 1978: 238) и удэгейское *ули* – “1) вода; 2) река (основная по отношению к притоку – Самарга, Нельма, Нактаха)” (Кормушин 1998: 301). Это лексическое соответствие отсутствует в “Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков” (Цинциус 1977). Правомерность сравнения можно проиллюстрировать примерами аналогичного исторического нерегулярного перехода интервокального *л* в *н*, ср. уд. *илаке* ~ *илакэ* – “лыко, кора (ивняка, тальника, липы)” и ульч. *инахса*, уил. *синаска*, нан. *инакса* – “лыко, кора (ивняка, тальника)” (Цинциус 1975: 305).

Таким образом, если принимать во внимание звуковой переход *л* > *н* в интервокальной позиции в слове, означающем “река”, то интересующим нас этнонимом ульчского (а не ороцкого) происхождения был бы не *ульча* (< *улинча), а *уинича* или *унча*. Впрочем, слово *уин’ча(н)* в ульчском языке есть, означает оно “житель(и) горной реки *уни*” (Суник 1985: 34).

Для тунгусо-маньчжурской этнонимии бассейна Амура и Сахалина характерно образование этнонимов от слов, обозначающих реку, ее низовье или верховье: *мангун* *й* (человек/люди большой реки, т.е. Амура), *хэунгунчэ(н)* (амгунец/амгунцы – негидальцы, возможно, также эвенки), **улинкән* (житель реки), **бирауяр* (жители реки), *дбукан* (житель реки), **солуобн* (житель верховьев реки; это слово стало экзоэтнонимом солонов), **хэжйуэн* (житель низовьев реки), **мӯ наи* (человек/люди воды, реки). “Речная этнонимия” ярко проявлялась у кур-урмийских нанайцев (кили): «Кур-урмийские нанайцы в беседах с русскими называют себя просто нанайцами. Самоназванием они считают термин *біра гуруни*, *біра бэјэни*, или реже – *бірані* (< **біра нај*), *бірауқан* “речные люди”, “люди реки”, “жители реки»» (Сунник 1958: 13).

История этнонима *улта* ~ *уилта* (*улча*, *олчан*) дает основание высказать предположение о том, что какая-то ороочно-удэгейская (или ороочская) группа некогда вошла в состав общих предков ульчей и уильта. У этой группы произошла смена языка, однако самоназвание осталось, хотя и подверглось фонетическим изменениям, характерным для ульчского и уильтинского языков (*-нк- > *-нч- > *-нт- > *-тт-). Судя по этим звуковым изменениям в самоназвании уильта, было это относительно давно, вероятно, еще до переселения предков уильта на Сахалин. Таким образом, уильта называли и называют себя, по-видимому, ороочским (или ороочно-удэгейским) по происхождению этнонимом *улта* ~ *уилта*. Кстати, как в лексике, так и в морфологии уильтинского языка сохранились в небольшом количестве следы исторических контактов с ороочским языком (Певнов 2018); эти следы свидетельствуют о том, что контакты были на Сахалине, однако, судя по заимствованию ороочского (орочно-удэгейского) этнонима **улинкән*, они происходили еще и на континенте, до переселения предков уильта на Сахалин.

Эвенкй

1. Эвенк. *эвэнкй* – “эвенк, эвенки³⁰” (Василевич 1958: 545), {*Äwänki*} – “тунгус” (Castrén 1856: 73), {*ewēnkī*} (Понне 1927: 44); сол. *эвэуки* – самоназвание солонов (До Дорджи 1998: 189), {*ewēnkii*} – самоназвание солонов (Tsumagari 2009: 1).

2. *Эвэнкй* для эвенков и *эвэуки* (*эвэукй*) для солонов – это актуальные автоэтнонимы.

3. К.А. Новикова считала, что самоназвание эвенков {*эвэн* ~ *ьвэн* ~ *эбэн* ~ *ьбэн* ~ *эбэн*} первоначально означало “местный”, “здешний” (Новикова 1960: 10, 11). Соглашаясь с автором, хотел бы предложить некоторые уточнения, основанные на историко-морфологическом анализе этнонима *эвэнкй*, несомненно связанного по происхождению с самоназванием эвенков.

Сегмент *-кй* определенно был аффиксом: он отсутствует в самоназвании эвенков {*эвэн*}, а также в самоназвании *эвэн* сымских эвенков³¹ (Василевич 1958: 545). Кроме этнонима *эвэнкй*, суффикс *-кй*, по-видимому, представлен в эвенкийском слове *аунакй* – “чужеродец; человек, относящийся к другому роду”. Слово *аунакй* имеет соответствия в других тунгусо-маньчжурских языках, что свидетельствует об относительной древности словообразовательного суффикса *-кй*.

В этнониме *эвэнкй* представлен необычный для эвенкийского языка кластер *нк* (естественно было бы ожидать *ук* – как в солонском этнониме *эвэуки*). По-видимому, этот кластер образовался в результате закономерного выпадения узкого гласного в исходе морфемы – им мог быть, в частности, *у*, т.е. **эвэукуй* > *эвэнкй*. Сегмент *-ну- в этом этнониме первоначально был, вероятно, показателем местного падежа, оформлявшего слова с пространственным значением³².

Есть два надежных свидетельства того, что в этнониме *эвэнкй* можно вычле-

нить основу *эвэ-*: 1) наличие в эвенкийском языке прилагательного *эвэди* – “эвенкийский”; 2) наличие эвенкийского слова *эвэмуу* – “эвенкийка”. В обоих случаях выделяется основа *эвэ-*, к которой были присоединены словообразовательные суффиксы *-ди* и *-муу*.

Основа *эвэ-* состоит из двух компонентов: первый (*э-*) – это корень слов со значением “этот”, “здесь”, значение второго (*-эвэ-*) установить пока не удалось. Основа **эвэ-* могла оформляться показателями локативных падежей³³, к ней был присоединен, в частности, показатель адвербиального локатива **-ну*; словоформа **эвэну* означала “здесь”. Вероятно, первоначально эта словоформа употреблялась в словосочетании **эвэну(у) бисий (бэжэ)* – “здесь живущий (человек)”, которое впоследствии подверглось эллипсису. Такого рода описательные этнонимы использовались, например, нанайцами: {*сол’ил б’и най*} – “нанайцы, живущие вверх по течению реки” (Сем 1976: 184), {*хэй бэй най*, *хэй бэй нэй*} – “так называют нанайцы, живущие в районах массового расселения по среднему течению нижнего Амура, своих сородичей, живущих в низовьях Амура” (Оненко 1980: 486). Подобный составной этноним мы записали у негидальцев: *солохи бисий бээсэл* – “ульчи” (букв. “вверх по реке живущие люди”) (ПМА 1999).

Итак, предположительно составной этноним сначала подвергся эллипсису³⁴ – от словосочетания осталось только слово *эвэн*, впоследствии в языке предков эвенков и солонов к этнониму *эвэн* был присоединен словообразовательный суффикс *-кй*.

Примечания

¹ Эндоетнонимом принято считать самоназвание, однако буквальный смысл этого слова (“внутреннее” название народа) допускает расширительное толкование: не только самоназвание данного народа, но также используемые им названия других народов.

² В англоязычной литературе используется термин “хепопум” как синоним “ехопум” – оба относятся не только к этнонимам, но и к топонимам.

³ Вместо теперь уже устарелого этнонима “ороки” в данной статье используется этническое название “уильта”.

⁴ “Духа – близкие отношения между родами, при которых взаимные браки запрещены; родственный род, находящийся под покровительством другого рода; союз родов (*акунка духан’и* ‘род, покровительствуемый родом Акунка’)” (Аврорин, Лебедева 1978: 179).

⁵ *Елкан бэжэнин* (один из автоэтнонимов негидальцев), *лўча* (“русский” – эвенкийский ксеноэтноним), *мўнаи* (автоэтноним бикинских [уссурийских] нанайцев), *нā бээн* (один из автоэтнонимов негидальцев), *нāнаи* (один из автоэтнонимов нанайцев), *орокко* (так сахалинские айны называли уильта), *орочён* (автоэтноним орочёнов Китая, а также некоторых групп эвенков Забайкалья и Приамурья), *орочи* (искусственный автоэтноним орочей), *самāуи* (“нанаец” – ксеноэтноним западной группы негидальцев), *хэжээн* (один из автоэтнонимов негидальцев, гипотезноним).

⁶ *Н’ёүидā* (один из автоэтнонимов негидальцев), *н’ивх* (автоэтноним нивхов), *пэрхинчэ(н)* (“негидалец” – ульчский ксеноэтноним), *хамниүан* (один из автоэтнонимов эвенков), *хэунгунчэ(н)* (“негидалец” – ульчский ксеноэтноним), *эмун бэжэлтин* (один из автоэтнонимов негидальцев).

⁷ *Акан’и* (“так называют нанайцы, живущие в районах массового расселения по среднему течению нижнего Амура, своих сородичей, живущих по верхним притокам Амура: Усури, Сунгари, Кур, Урми” [Оненко 1980: 31]), *амал*

(“русский” – нивхский ксеноэтноним, наряду с {*лоти, лоч’а*}), *гилэми* (“нивх, нивхи” – ксеноэтноним орочей, нанайцев и ульчей), *дагур* (автоэтноним дагуров), *јанд* (“нанаец” – нивхский ксеноэтноним), *киака* (“удэгеец, удэгейцы” – орочский ксеноэтноним), *манжу* (автоэтноним маньчжуров), *н’икан* (“китаец” – маньчжурский ксеноэтноним), *јандугу* (удэгейский гиперксеноэтноним), *јатку* (“нанаец” – негидальский ксеноэтноним), *рэгу* (“негидалец” – нивхский ксеноэтноним), *хоукур* (“эвенк” – дагурский ксеноэтноним).

⁸ По всей видимости, венгерский этнограф Б. Баратоши-Балог в начале XX в. делал словарные записи у негидальцев, говоривших на уже, вероятно, исчезнувшем идиоме, который можно назвать усть-амгуньским (или хэденским – от негидальского гипотетонима *хэжэһ*).

⁹ Слово, которое переводится только как “народ”, есть не во всех тунгусо-маньчжурских языках: напр., в эвенком есть (*јоһмин*), а в эвенкийском – нет: эвенк. *тэуэ* имеет значения «1) народ; 2) род; 3) люди другого рода, чужеземцы»; в нанайском и ульчском есть (*голо*), а в орочском и негидальском – нет: ороч. *хала* имеет значения «1) род; 2) родовое имя, фамилия; 3) народ – *луча халан’и* “русский народ”; 4) порода, разновидность, вид – *сугжаса халан’и* “разновидность рыб”» (*Аврорин, Лебедева* 1978: 243). Судя по нашим экспедиционным материалам, в восточном диалекте негидальского языка семантика слова *хала* совпадает с орочской.

¹⁰ Ср. употребление уильтинского суффикса *-ји* (< **-ди*), оформляющего некоторые этнонимы: *уилтаји* – “уильтинский” (*уилтаји утта* – “уильтинская обувь”) (*Majewicz* 2001: 300), *гилэји* – “нивхский” (*гилэји угда* – “нивхская лодка”), *күјији* (*күјији угда* – “айнская лодка”) (*Ikegami* 1997: 216).

¹¹ Ср. синкопирование гласного в аналогичной фонетической позиции: т.-м. **горо-ми(н)* – “длинный” (от **горо* – “далекий, далеко; давний, давно”) > **горми(н)* > маньчж. *голмин*, эвенк. *јоһним*, нан. *јон’ими* ~ *ван’ими* ~ *он’ими* ~ *орми* – “длинный”.

¹² Удлинение согласного перед долгим гласным является актуальным законом уильтинского языка.

¹³ В последнее время тунгусо-маньчжурские языки стали именовать тунгусскими, что мне кажется неправильным: это то же самое, что называть индоевропейские языки европейскими или финно-угорские финскими. К тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи относятся следующие языки и идиомы: эвенкийский, хамниганский, ороченский, солонский, негидальский, эвенский и арманский (П. Шмидт к тунгусским языкам относил “собственно тунгусский, т.е. эвенкийский, ламутский (эвенский), самагирский, орочонский, а также язык манегров” [*Schmidt* 1923a: 1]).

¹⁴ Здесь и далее аффиксы приводятся в одном сингармоническом варианте – с “а-гармонией”.

¹⁵ Ссылки на источники в цитате опущены.

¹⁶ Наличие деривационного суффикса **-уэһ* указывает на то, что по происхождению этноним (а также родовое название) **хэжй-уэһ* является эвенкийским. Однако звук *х* в анлауте свидетельствует о том, что основа **хэжй-* должна была принадлежать амуро-сахалинскому финальному праязыку, поскольку в нем, как и в трех его потомках (в нанайском, ульчском и уильтинском), сохранился анлаутный *х*, отсутствующий во всех остальных тунгусо-маньчжурских языках. Впрочем, похоже на то, что в ряде эвенкийских диалектов в анлауте некоторых слов представлен в виде *һ* рефлекс пратунгусо-маньчжурского **к^h*- (> нан., ульч., уил. *х-*), ср. эвенк. *һэрэки* (сымский, зейский, алданский, учурский, урмийский и сахалинские диалекты) – “лягушка (коричневая)”. Можно, конечно, считать этот *һ* протетическим, однако примеров с бесспорной протезой (типа

эвенкийских диалектных *habун* – “шапка” и *хуллйчā* – “татуированное лицо [букв. шитое]”) меньше, чем примеров, в которых допустимо предполагать сохранение согласного, давно отпавшего в большей части эвенкийских диалектов и в некоторых родственных языках (ср., напр., эвенк. диал. *хамаскй̄* – “обратно” и нан. *хамаси* – “обратно”, эвенк. диал. *hāк-* – “причалить” и ульч. *хā(э)-* – “причалить”, эвенк. диал. *hэрку-* – “заехать к кому-либо по пути” и нан. *хэжу-* – “зайти, заехать [мимоходом]”).

¹⁷ Вибрант был устранин в соответствующих словах ульчского языка (*эј* – “этот”, *ти* – “тот”, *н ӣ* – “человек”), однако этого не произошло в уильтинском – генетически наиболее близком к ульчскому и нанайскому (ср. уил. *эри* – “этот”, *тари* – “тот”, *нари* – “человек”).

¹⁸ Возможно, к этому айнскому слову имеет отношение упоминаемое Л. Шренком {оронгта} – так нивхи западного берега Сахалина называли уильта (ороков) (*Шренк* 1883: 136).

¹⁹ В “Нивхско-русском словаре” В.Н. Савельевой и Ч.М. Таксами (*Савельева, Таксами* 1970: 415) нивх. (амур.) {*Хынгр*} переведено как “Хынгр, Амгунь (река)”, что не совсем точно: в наших экспедиционных записях р. Амгунь – это *хэужк* (ПМА 1994), так что *хэужр* (< *хэуж эр*) – это “устье Амгуни”.

²⁰ В речи нивхов, говорящих на амурском диалекте, происходит выпадение заднеязычного проточного звонкого согласного после гласного перед плавным (напр.: *т^hуур* – “огонь” > *т^hуур*, *паула* – “красный” > *паала*), но это не относится к фонологии.

²¹ За графемой {ы} скрывается гласный среднего ряда среднего подъема (шва).

²² Имеются в виду собственно тунгусские языки: эвенкийский, хамниганский, ороченский, солонский, негидальский, эвенский и арманский.

²³ В нанайском языке есть основа *орбндола-* – “1) вместо кого-либо или чего-либо; 2) вместо того, чтобы” (*Оненко* 1980: 315) с тем же корнем, заимствованным из маньчжурского.

²⁴ Согласно Л. Шренку, нивхи долины р. Тымь ороков (уильта) называли {ороко} (*Шренк* 1883: 136). В нивхском языке нет долгих согласных, поэтому нивхское {ороко} вполне соответствует айнскому {*oróкко*} (*Magata* 1981: 159). Не думаю, что айны заимствовали этот этноним у нивхов или, наоборот, нивхи у айнов. Скорее всего, и нивхи долины р. Тымь, и сахалинские айны заимствовали этнонимы {ороко} и {*oróкко*} у какой-то группы уильта.

²⁵ В уильтинском языке есть “свое” (т.е. не соответствующее ни эвенкийскому *орон*, ни эвенскому *орьн*) название домашнего оленя – *улā*. По всей вероятности, уильтинское (и ороческое) слово *улā* связано по происхождению с маньчжурским *улха* – “скот, домашние животные” (*Цинциус* 1977: 263) (уил., ороч. *улā* < **улауар*; маньчж. *улха* < **улауа*; ср. маньчж. *илха* – “цветок” и нег. *елауа* – “цветок”).

²⁶ В маньчжурском языке есть аффикс *-та* (один из трех сингармонических вариантов), оформляющий “почти исключительно термины родства” (*Аврорин* 2000: 90). В промежуточном тунгусо-маньчжурском праязыке (после отделения от базисного праязыка предка чжурчжэньского, маньчжурского и сибинского) был составной аффикс собирательности со вторым компонентом *-та* (*=*ни-та* > *=*ута* > *-кта*). Если даже допустить, что соответствующий аффикс *-та* самостоятельно употреблялся в уильтинском языке, то по семантическим причинам он не мог быть присоединенным к ойкониму.

²⁷ В словаре Дз. Икэгами (*Ikegami* 1997) транскрипция фонологическая, поэтому палатализация не фиксируется.

²⁸ Благодарю М.З. Муслимова за примеры таких звуковых изменений, в том числе за приведенный ливский.

²⁹ Так река называется только в ороческом и удэгейском языках.

³⁰ Непонятно, является ли здесь “эвенки” формой множественного числа; вполне может быть, что в данном случае слово не имеет форм числа и падежа, ср. коми, манси, нанай.

³¹ На сымском диалекте, который сохранил некоторые архаичные особенности, говорит (говорила?) самая западная группа эвенков в Томской области.

³² Приведу примеры адвербиального локатива с реликтовым показателем *-ну (-н)* в тунгусо-маньчжурских языках: уд. {*bagæni*} – “на противоположной стороне”, {*zulǝni*} – “впереди” (Шнейдер 1936: 30, 116); уил. {*баззэну*} – “на том берегу”, {*дуллэну*} – “впереди” (Петрова 1967: 82); эвен. *баргин* (< **барги-ну*) – “на той стороне”, *жулин* (< **жули-ну*) – “впереди” (Новикова 1980: 123); эвенк. *тулин* (< **тули-ну*) – “внешнее пространство, двор, улица” (Василевич 1958: 399).

³³ Основа *эвэ-* представлена, например, в эвенкийском слове *эвэ-скй* – “сюда”.

³⁴ Приведу пример эллипсиса в эвенкийском языке: *тулин!* – “вон! (так кричат собаке)” (Василевич 1958: 399). Вероятно, это междометие появилось в результате эллипсиса словосочетания **Тулин бикэл!* – “Снаружи будь!”.

Сокращения

- маньж. – маньчжурский язык;
- монг. письм. – монгольский письменный язык;
- нан. – нанайский язык;
- нан. (кур-урм.) – кур-урмийский диалект нанайского языка (смешанный язык кили);
- нег. – негидальский язык;
- нивх. – нивхский язык;
- нивх. (амур.) – амурский диалект нивхского языка;
- нивх. (сах.) – восточносахалинский диалект нивхского языка;
- ороч. – ороцкий язык;
- т.-м. – тунгусо-маньчжурский праязык;
- уд. – удэгейский язык;
- уил. – уильтинский (ороцкий) язык, язык уильта;
- ульч. – ульчский язык;
- чж. – чжурчжэньский язык;
- эвенк. – эвенкийский язык.

Источники и материалы

- Василевич 1958 – Василевич Г.М. (сост.) Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- До Дорджи 1998 – До Дорджи (сост.) Солонско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии, 1998.
- Захаров 1875 – Захаров И. (сост.) Полный маньчжурско-русский словарь. СПб, 1875.
- Оненко 1980 – Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- ПМА 1994 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Ульчский район Хабаровского края, 1994 г. Информант М.Н. Пухта, родилась в с. Коль-Никольск Хабаровского края.
- ПМА 1999 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Маго Николаевского р-на Хабаровского края, 1999 г. Информант Д.Л. Кини.
- Савельева, Таксами 1970 – Савельева В.Н., Таксами Ч.М. (сост.) Нивхско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Цинциус 1975 – Цинциус В.И. (ред.) Сравнительный словарь тунгусо-маньчжур-

- ских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- Цинциус* 1977 – *Цинциус В.И.* (ред.) Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука, 1977.
- Шнейдер* 1936 – *Шнейдер Е.Р.* Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1936.
- Ikegami* 1997 – *Ikegami J.* A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Kyalundzyuga, Simonov* 1998 – *Kyalundzyuga V.T., Simonov M.D.* (comp.) A Kyalundzyuga–Simonov Dictionary of the Udeghe (Udihe) Language. Udeghe – Russian – Udeghe (Preprint). Vol. 2. Szeszew: ПЕОС, 1998.
- Lessing* 1960 – *Lessing F.D.* (ed.) Mongolian-English Dictionary. Berkeley: University of California Press; Cambridge University Press, 1960.
- Magata* 1981 – *Magata H.* A Dictionary of the Uilta Language. Abashiri: The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore, 1981.
- Shirokogoroff* 1944 – *Shirokogoroff S.M.* A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the Manuscripts. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944.

Научная литература

- Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Аврорин В.А.* Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.
- Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Кормушин И.В.* Удэгейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.
- Новикова К.А.* Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Новикова К.А.* Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980.
- Певнов А.М.* Рефлексы вибранта в негидальском на фоне родственных ему языков // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1994. No. 85. P. 125–147.
- Певнов А.М.* Чтение чжурчжэньских письмен. СПб.: Наука, 2004.
- Певнов А.М.* Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // *Вопросы языкознания.* 2008. № 5. С. 63–83.
- Певнов А.М.* Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине // *Труды Института лингвистических исследований.* 2018. Т. XIV. Ч. 1. С. 441–464.
- Петрова Т.И.* Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1936.
- Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Поппе Н.Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
- Сем Л.И.* Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976.
- Старцев А.Ф.* Ороки – орочёны, а не ульта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015.
- Суник О.П.* Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Суник О.П.* Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Таксами Ч.М.* Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1975.

- Цинциус В.И.* Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Шнейдер Е.Р.* Материалы по языку аюйских удэ. М.; Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1937.
- Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. Т. I. СПб.: Издание Императорской академии наук, 1883.
- Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.
- Castrén M.A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss / Herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856.
- Grube W.* Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1896.
- Janhunen J.* On the Ethnonyms *Orok* and *Uryangkhai* // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2014. T. 19. P. 71–81.
- Majewicz A.F.* (ed.) Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore: The Orok (Uilta) Dictionary: The Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Vol. 4 / Prepared by L.V. Ozoliņa. Stęszew: IIEOS, 2001.
- Schmidt P.* The Language of the Negidals // *Acta Universitatis Latviensis (Rīgā)*. 1923a. Vol. V. P. 3–38.
- Schmidt P.* The Language of the Olchas // *Acta Universitatis Latviensis (Rīgā)*. 1923b. Vol. VIII. P. 229–288.
- Schmidt P.* The Language of the Oroches // *Acta Universitatis Latviensis (Rīgā)*. 1928. Vol. XVII. P. 17–62.
- Tsumagari T.* A Sketch of Solon Grammar // *Journal of the Center for Northern Humanities*. 2009. No. 2. P. 1–21.
- Zhang Paiyu.* The Kilen Language of Manchuria: Grammar of a Moribund Tungusic Language. PhD diss. abstract, University of Hong Kong, 2013.

Research Article

Pevnov, A.M. Etymology of Several Ethnonyms in the Amur River Basin and Sakhalin [Etimologija nekotorykh nazvanii narodov basseina Amura i Sakhalina]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 2, pp. 23–44. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020026> EDN: HQDMWB ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Aleksandr Pevnov | <https://orcid.org/0000-0002-7421-7777> | pevnov@gmail.com | Institute for Linguistic Studies, RAS (9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg, 199053, Russia)

Keywords

ethnonym, etymology, ethnic history, Amur River, Sakhalin

Abstract

The Amur River basin and Sakhalin are rich in historical and actual ethnonyms. The article deals with etymology of seven “linguistic ethnonyms” which were recorded in the 20th century by linguists or social anthropologists with linguistic experience. Etymological analysis of ethnonyms allows us to represent the ethnic map of the region diachronically. The main conclusions are as follows: Nivkhs and Manchu-Tungusic tribes were probably separated by an unknown Palaeoasiatic group; the Evenki influence on the ethnonymy of the region was substantial; the ethnonyms with the stem *oro-* ‘place’ (*orojr*, *orokko*, *orocĕn*, *oroči*) were coined in Manchuria; in course of time, they spread eastwards and reached finally Sakhalin.

References

- Avrorin, V.A. and Y.P. Lebedeva. 1978. *Orochskie teksty i slovar'* [Oroch Texts and Dictionary]. Leningrad: Nauka.
- Avrorin, V.A. 1959. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [Grammar of the Nanai Language]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Avrorin, V.A. 2000. *Grammatika man'chzhurskogo pis'mennogo yazyka* [Grammar of Written Manchu]. St. Petersburg: Nauka.
- Castrén, M.A. 1856. *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis* [Outlines of the Tungus Grammar with a Concise Dictionary], edited by A. Schiefner. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Grube, W. 1896. *Die Sprache und Schrift der Jučen* [The Jurchen Language and Script]. Leipzig: Otto Harrassowitz.
- Janhunen, J. 2014. On the Ethnonyms Orok and Uryangkhai. *Studia Etymologica Cracoviensia* 19: 71–81.
- Kormushin, I.V. 1998. *Udyheiskii (udegeiskii) yazyk* [The Udyhe (Udege) Language]. Moscow: Nauka.
- Majewicz, A.F., ed. 2001. *Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore: The Orok (Uilta) Dictionary: The Collected Works of Bronislaw Pilsudski*. Vol. 4, prepared by L.V. Ozoliņa. Szeged: IIEOS.
- Novikova, K.A. 1960. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskii govor* [Study of Dialects of the Even Language: Ola Dialect]. Pt. 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Novikova, K.A. 1980. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskii govor: glagol, sluzhebnye slova, teksty, glossarii* [Study of Dialects of the Even Language: Ola Dialect: Verb, Function Words, Texts, Glossary]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Petrova, T.I. 1936. *Ul'chskii dialekt nanaiskogo yazyka* [The Ulcha Dialect of Nanai]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo.
- Petrova, T.I. 1967. *Yazyk orokov (ul'ta)* [The Language of the Oroks (Ulta)]. Leningrad: Nauka, 1967.
- Pevnov, A.M. 1994. Reflexy vibranta v negidal'skom na fone rodstvennykh emu yazykov [Reflexes of “r” in Negidal as Compared with Related Languages]. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 85: 125–147.
- Pevnov, A.M. 2004. *Chtenie chzhurchzen'skikh pis'mion* [Reading of the Jurchen Script]. St. Petersburg: Nauka.
- Pevnov, A.M. 2008. Lingvisticheskie puti resheniia tunguso-man'chzhurskoi problemy [The Problem of the Localization of the Manchu-Tungusic Homeland (Linguistic Aspect)]. *Voprosy yazykoznaniiia* 5: 63–83.
- Pevnov, A.M. 2018. Lingvisticheskie svidetel'stva istoricheskikh kontaktov orokov i orochei na Sakhaline [Linguistic Evidence of the Orok-Oroch Historical Contacts on Sakhalin]. *Acta Linguistica Petropolitana* XIV (1): 441–464.
- Poppe, N.N. 1927. *Materialy dlia issledovaniia tungusskogo yazyka* [Materials for the Study of the Tungus Language]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Schmidt, P. 1923. The Language of the Negidals. *Acta Universitatis Latviensis* (Rīgā) V: 3–38.
- Schmidt, P. 1923. The Language of the Olchas. *Acta Universitatis Latviensis* (Rīgā) VIII: 229–288.
- Schmidt, P. 1928. The Language of the Oroches. *Acta Universitatis Latviensis* (Rīgā) XVII: 17–62.
- Sem, L.I. 1976. *Ocherki dialektov nanaiskogo yazyka. Bikinskii (ussuriiskii) dialekt* [Study of Dialects of the Nanai Language: The Bikin (Ussuri) Dialect]. Leningrad: Nauka.

- Shneider, Y.R. 1937. *Materialy po yazyku aniuiskikh ude* [Materials on the Language of Anyuy Ude]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo.
- Shrenk, L. 1883. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraia* [On the Indigenous Peoples of the Amur Region]. Vol. I. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoi akademii nauk.
- Shternberg, L.Y. 1933. *Giliaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ainy* [Gilyaks, Orochs, Goldis, Negidals, Ainus]. Khabarovsk: Dal'giz.
- Startsev, A.F. 2015. *Oroki – orochiony, a ne uil'ta! K probleme etnogeneza orokov Sakhalina* [Oroks are Orochons, not Ujlta! On the Problem of Ethnogenesis of Sakhalin Oroks]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Sunik, O.P. 1958. *Kur-urmiiskii dialekt. Issledovaniia i materialy po nanaiskomu yazyku* [Kur-Urmi Dialect: The Nanai Language: Studies and Materials]. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR.
- Sunik, O.P. 1985. *Ul'chskii yazyk. Issledovaniia i materialy* [The Ulcha Language, Studies and Materials]. Leningrad: Nauka.
- Taksami, C.M. 1975. *Osnovnye problemy etnografii i istorii nivkhov. Seredina XIX – nachalo XX veka* [Principal Problems of Nivkhs' Ethnography and History: From the Middle of 19 Century until the Beginning of 20 Century]. Leningrad: Nauka.
- Tsintsius, V.I. 1982. *Negidal'skii yazyk. Issledovaniia i materialy* [The Negidal Language: Studies and Materials]. Leningrad: Nauka.
- Tsumagari, T. 2009. A Sketch of Solon Grammar. *Journal of the Center for Northern Humanities* 2: 1–21.
- Vasilevich, G.M. 1969. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX veka)* [Evenkis: History-Ethnographical Studies (18 – the Beginning of the 20 Century)]. Leningrad: Nauka.
- Zhang Paiyu. 2013. The Kilen Language of Manchuria: Grammar of a Moribund Tungusic Language. PhD diss. abstract, University of Hong Kong, 2013.